



ЖАВОРОНОКЪ

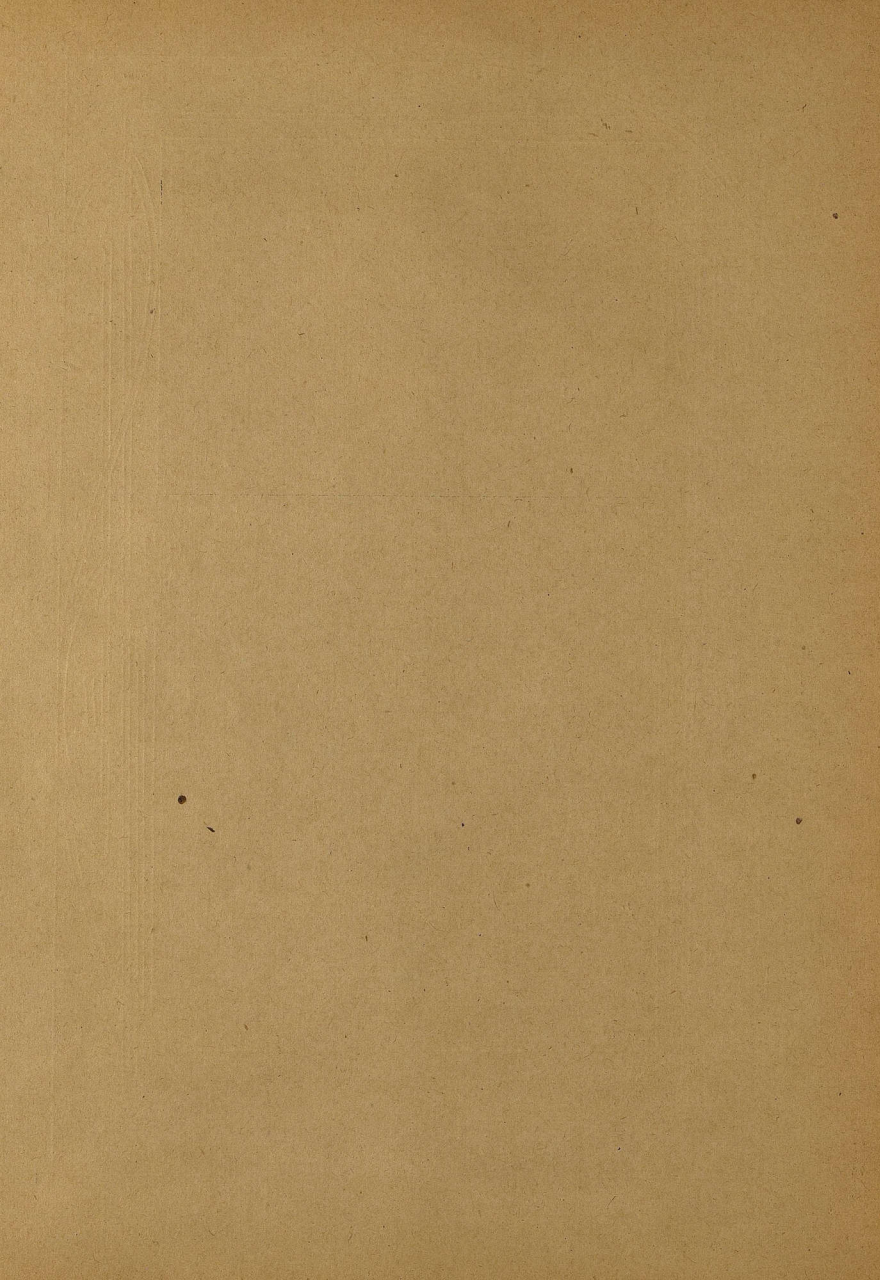


ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1914 г.

Мартъ.

Выпускъ 3-й.





М. Вучић,

Ваня и Маша.

Жаворонокъ.



НЕАПОЛИТАНСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.



ПОСЛѢ СТОЯНІЯ.

С то я н і е.

Я помню подь вечерь, бывало,
 Когда засыпали ручьи,
 Насъ старая церковь сзывала
 Подь темные своды свои.

Обласканы алой зарею,
 Къ семьѣ золотьющихъ главъ
 Бѣжали мы рѣзвой гурьбою,
 Лопаты свои побросавъ.

Съдой черноризый священникъ
 Великую книгу читалъ.
 На плитахъ амвонныхъ ступенекъ
 Я говоръ ручьевъ забывалъ.

Серебряный; ангелъ по аркамъ
 Скользилъ озаренной стопой..
 Но вотъ ужъ съ оплывшимъ огаркомъ
 Бредешь въ темнотѣ, какъ слѣпой;

Слѣдишь огонекъ боязливо,
 Сомкнувши съ ладоною ладонь.
 Бывало, не разъ торопливо
 Промолвишь съ угрозой: не тронь!

И свѣчку горящую прячешь
 Отъ розовыхъ губъ шалуна
 И горько жалбешь и плачешь,
 Когда потухала она.

Ал. Липецкій.



ОЗЕРО ВЪ ЛѢСУ.

Старый садовникъ.

Разсказъ П. В. Бынова.

Да и лѣто же выдалось въ томъ году, когда Надя-Лисикъ, Наташа-Голубоглазка и Вадя-Бумъ-Бумъ ѣхали къ себѣ въ деревню на Украинъ. Ласковое и не жаркое и очень плодородное. Изрѣдка перепали дождички и оттого засухи не было, все зеленѣло вокругъ. Безчисленными изумрудами горѣли на солнцѣ привѣтливыя лужайки и пышныя, горделивыя нивы, которыя быстро мелькали и, казалось, плыли мимо окна вагона. Дѣти не отрывались отъ него съ утра и до сумерекъ и только во время завтрака и обѣда отходили прочь, причѣмъ умудрялись и за ѣдой выглядывать въ окошко. Впрочемъ, и самъ папа долго простаивалъ въ коридорчикѣ у окна, противъ купэ, гдѣ помещалась веселая и любознательная дѣтвора. Кроткаго Вадима сестры какъ-то отгѣсняли отъ окошка. Онъ довольствовался крохотнымъ краешкомъ его — и не жаловался. А когда Лисикъ, наконецъ, дѣлалось его жалко, она удаляла Голубоглазку отъ окна. — «Какъ тебѣ не стыдно, — говорила она сестрѣ, — не провѣдать папу! Пойди, спроси, не надо-ли ему чего-нибудь!» Наташа удалялась, а Лисикъ быстро затворяла двери купэ на задвижку и, пока Вадя засматривался на чудные виды, бѣжавшіе мимо окна, выбирала любимыя конфеты изъ сестриной ко-

робки, запасалась лишнимъ пирожкомъ изъ корзинки, обильно наполненной всевозможной провизіей, и подбѣгала вновь къ окну.

А тамъ, за окномъ все рѣже и рѣже попадались лѣса и взамѣнъ ихъ разстилались огромнымъ зеленымъ ковромъ всѣхъ оттѣнковъ необозримыя южная степи. Взлетали надъ ними, высоко рѣя въ прозрачномъ воздухѣ, жаворонки, носились цѣлыми стайками чайки бѣлогрудія, на лугахъ паслись овцы со своими ягнятами и часто съ бородастымъ козломъ. Овцы не обращали никакого вниманія на летѣвшій поѣздъ, но козелъ былъ любопытенъ и долго смотрѣлъ вслѣдъ ему. Лисикъ доложила объ этомъ папѣ, войдя къ нему въ купѣ, и не утерпѣла, чтобы не сказать, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ:—«Я смотрѣла, папа, на козла, и все тебя вспоминала: у него, представь себѣ, такая же, какъ у тебя, борода, только немножко меньше! Если бы поѣздъ остановился на этомъ мѣстѣ, я бы подбѣжала къ козлу и отрѣзала ему бороду, чтобы не смѣлъ носить такую, какъ у тебя!» Папа добродушно улыбнулся, а купецъ вступился за своего сосѣда, папу, покачалъ головой и сказалъ:— «Ишь, какая прытка! А я на мѣстѣ папы попросилъ бы у истопника вѣникъ, вынулъ бы изъ него прутьинокъ, да и задалъ бы вамъ, барышня, банку!» И, незамѣтно для папы, она показала купцу языкъ и птицей выпорхнула изъ купѣ. Придя къ себѣ, она, конечно, успѣшила рассказать про свою встрѣчу съ «обидѣвшимъ» ее, какъ она увѣрала, купцомъ, и сестрѣ и дремавшей мамѣ и рассказала, разумѣется, по своему. Купецъ, видите-ли, ее бранилъ и общалъ высѣчь, а она ему отвѣтила, что Богъ не любитъ злыхъ и наказываетъ того, кто обижаетъ дѣтей.—Она сдѣлала ему реверансъ и ушла изъ купѣ.—«А папа за меня и не заступился!»—съ огорченіемъ прибавила Лисикъ.

Вотъ промелькнули мѣлвыя горы Бѣлгорода, сосновыя рощи подъ Харьковомъ, напоминающія дѣтямъ покинутый ими сѣверъ, вотъ сыпучіе желтые пески съ красивыми густыми кустами красной лозы, изъ которой малоросы умѣютъ дѣлать отличныя корзины, вотъ опять луга съ высокими султанами краснаго дикаго розмарина; приближаются знакомыя мѣста, отъ которыхъ рукой подать до Мануйловки,—деревеньки, куда ѣхали на лѣто дѣти. Забились у нихъ сердечки, когда поѣздъ медленно проходилъ черезъ высокій, дрожащій съ рѣчкой Самарѣ, впадающей въ Днѣпръ, когда показался и онъ, темносиній въ обоихъ крутыхъ песчаныхъ, а подалее и скалистыхъ, берегахъ и когда покотился по огромному, длинному желѣзнодорожному мосту, по верхней части котораго ѣхали возы въ городъ и изъ города и шли люди. Дѣти подтянулись, спѣшили надѣть калоши, вооружились зонтиками. Лисикъ подхватила на руки собачку Бутку, которая тоже всегда совершала путешествіе съ семейю, и выскочила изъ вагона. На станціи ихъ ждали экипажи, которые и повезли путниковъ въ деревню. Она была въ какой-нибудь верстѣ отъ города. Разумѣется, Лисикъ забросала вопросами кучера о томъ, много ли уродилось вишенъ и черешенъ, не отошла ли еще клуслика, есть ли во дворѣ молодыя цесарки. И чего только она ни выпросила у него. Ей до всего было дѣло, все ее интересовало. Дѣти сидѣли въ одномъ экипажѣ, папа съ мамой—въ другомъ, и потому Лисикъ спѣшила раньше ихъ узнать, что дѣлается въ усадьбѣ.

Было еще свѣтло, когда экипажи вѣхали во дворъ и, минуя «парадное»,

подкатали къ заднему крыльцу. Пользуясь обычной суматохой прїѣзда, Лисикъ передала собачку Бутьку кому-то изъ дворовыхъ и порхнула въ садъ. Онъ былъ большой, красивый, старый дѣдовскій садъ, обрамленный высокими тополями и осинами вкругъ, съ длинной сиреневою аллеей, съ многочисленными куртинами фруктовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ многія были рѣдкихъ сортовъ, особенно груши и яблоны. Старый садовникъ,—дѣдъ Михайлъ, какъ называли его и дворовые усадьбы, и вся деревня, любилъ разсказывать исторію сада. На его мѣстѣ когда-то были пески, лишь кое-гдѣ торчали нѣсколько осинъ и вязовъ.—«Дѣдушка вашъ Петръ Ивановичъ нагнали сюда людей,—тогда, вѣдь, были крѣпостные—черноземъ сюда возили, колодцы копали, деревца бѣлой акаціи, орѣшника, тополей и другія сажали; изъ лѣсу, за шесть верстъ отсюда, травы и кусты всякихъ растений перевозили. Тысячь пять фруктовыхъ деревьевъ садили, иной разъ собственными руками. Дѣдушка вашъ, извольте видѣть, большой мастеръ были: и мебель сами умѣли дѣлать, и книжки переплетать, и сѣти рыболовныя вязать, и лошадей ковать. Ээ! да всего и не припомнить, что они умѣли мастерить! Изъ саду они и не выходили, сами ручками своими много грушъ и яблоны посадили. Мнѣ, хлопцу, тогда лѣтъ пятнадцать было, и меня отдали они въ школу садоводства въ городѣ, которую нѣмецъ содержалъ. Хорошій онъ былъ, толковый. Одно только плохо у него было: кто поступалъ къ нему неграмотнымъ, неграмотнымъ и школу кончалъ,—читать и писать въ ней мальчиковъ не учили. А какъ выпустили меня изъ школы, грамотѣ учиться мнѣ некогда. Работы—хоть отбавляй. Зато своему дѣлу, насчетъ сада и огорода, и даже насчетъ пчель, я уже выучился какъ слѣдуетъ и самъ, какъ нѣмецъ, другихъ учить могу!» Съ тѣхъ поръ Михайла и сталъ ухаживать за садомъ. Строгий былъ дѣдушка, взъскивалъ со своего молодого садовника, но и цѣнилъ и любилъ его.

У Михайлы было много природнаго вкуса. Онъ красиво разбросалъ по саду дорожки, устроилъ много бесѣдокъ изъ сирени и желтой акаціи и цѣлую куртину насадилъ розъ всякихъ сортовъ, наконецъ, положилъ начало пасѣки. Пчель онъ любилъ нѣжно, говорилъ о нихъ съ уваженіемъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ. Въ погребѣ, куда ставились ульи на зиму, у него висѣли образа святыхъ Зосимы и Савватія, которые считаются покровителями пчель. Умѣлъ дѣдъ Михайла вязать великолѣпные букеты, а въ корзиночки, имъ самимъ сплетенныя, красиво укладывать фрукты. Онъ былъ идеально чистень, смотрѣлъ, какъ говорится, въ оба глаза за хозяйскимъ добромъ, и былъ истиннымъ мученикомъ, когда фрукты начинали поспѣвать. Всю ночь до разсвѣта бродилъ онъ по дорожкамъ около куртинъ, гдѣ были лучшіе сорта грушъ и яблокъ, и, шагъ за шагомъ, за нимъ ходилъ и старый Волчекъ,—собачка, которую онъ отлично выдрессировалъ и выучилъ, какъ сторожить фруктовыя деревья. Въ парникахъ у дѣда Михайла, гораздо раньше другихъ, поспѣвали огурцы, редиска и салатъ и онъ утаивалъ отъ хозяевъ число овощей, чтобы продать на большую сумму. Онъ изо всѣхъ силъ старался, чтобы садъ и огородъ приносили хорошій доходъ и скупился, былъ недоволенъ, если хозяева слишкомъ много лакомились дорогими сортами грушъ и яблокъ. Самъ онъ никакихъ фруктовъ не ѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ «дѣдомъ», а раньше любилъ только вишни, да и то не сырыя, а въ вареникахъ, и могъ съѣсть штукъ тридцать такихъ варениковъ. Высокаго роста, красивый, представительный, съ небольшою бородой, которую онъ старательно подстригалъ, дѣдъ Михайла смотрѣлъ

удивительно молодо. Ему перевалило уже за семьдесят лѣтъ, а у него почти ни одной сѣдинки не было и морщины не бороздили его большой, открытый лобъ. Лисикъ, покуда добѣжала до дѣдовой хаты, успѣла и клубничкой полакомиться и крыжовнику, крупнаго, мохнатаго, понасовать въ карманъ, заглянула въ цвѣтникъ, сорвала двѣ пышныя розы и постучала, наконецъ, въ окно дѣдовскаго жилия. Старикъ вышелъ, поцѣловался съ Лисикомъ, поздравилъ ее съ прїездомъ и, войдя въ хату, вынесъ оттуда десятокъ великолѣпныхъ абрикосовъ, положенныхъ въ хорошенькую корзиночку, устланную большими кленовыми листьями.— «Это,—сказалъ онъ Лисику,— я собралъ сегодня для вашего прїѣзда, тамъ, около большого колодца съ молодого дерева... Жалко было рвать, потому что въ пятницу базаръ,—пошлю Ивана продавать, тамъ, на деревѣ еще десятка четыре осталось. Эти абрикосы—дорогіе, потому что скороспѣлки!.. Кушайте на здоровье, Надежда Петровна, только раздѣлите поровну, дайте папѣ, мамѣ, сестричкѣ и братцу!» Лисикъ поблагодарила дѣда и стала его разпрашивать, много-ли будетъ грушъ—«бергамоты», яблокъ, сливъ, грецкихъ орѣховъ и ананасныхъ дынь. Все перечислила, что можетъ дать садъ-кормилецъ, не позабыла и про медъ спросить, много-ли его пчелы наносили, простилась съ дѣдомъ и выпорхнула изъ загородки, которая поставлена была около парниковъ и стоящей съ ними рядомъ хаты садовника. Здѣсь дѣдъ Михайла сушилъ сѣмена, молотилъ горохъ и фасоль, приготавливалъ лозу для корзинокъ и кормилъ садовую собаку.

Лисикъ, конечно, не спѣшила домой, зная, что тамъ еще раскладываются, хлопочуть объ ужинѣ, вообще предаются обычной суетѣ послѣ дороги,— а пошла прямо къ дереву съ крупными абрикосами-скороспѣлками и открылась «хозяйничать» по своему. Нарвала самыхъ крупныхъ абрикосовъ, аккуратно завязала ихъ въ платокъ, поѣтила мѣстечко у колодца, гдѣ были посажены огурцы, набрала маленькихъ съ пупырышками, самыхъ яркозелененькихъ и съ хорошей добычей вернулась въ комнаты. Тамъ, немного поубавившись, уже зажигали огни и готовились ужинать. Лисикъ юркнула въ уютную горенку, гдѣ она спала съ сестрой, быстро сунула въ свою дорожную корзинку абрикосы, крыжовникъ, огурчики. Потомъ абрикосы, данные ей дѣдомъ Михайлой, торжественно поставила на чайный столъ, причемъ, вѣрнато, за хлопоты, скушала одинъ абрикосъ и, въ ожиданіи чая, подхвативъ Наташу-Голубоглазку и Вадима, пошла гулять по двору и рассказывала брату и сестрѣ о своемъ путешествіи къ дѣду Михайлѣ, о разговорѣ съ нимъ насчетъ урожая фруктовъ, все передала подробно, умолчала только о своихъ набѣгахъ на абрикосовое дерево и на грядки съ огурцами.— «Груши,—докладывала она,—еще очень твердая, я на четырехъ деревьяхъ пробовала и ни одной хоть каплю мягкой груши не нашла, а ты, Наташурикъ, смотри, не пробуй ни яблокъ, ни грушъ, дѣдъ Михайла не любитъ, чтобы безъ него трогали что-нибудь въ садъ».

Дворъ, по которому гуляла Лисикъ съ братомъ и сестрой, былъ очень просторный, длинный; въ одномъ концѣ стояла большая конюшня съ каретнымъ сараемъ, въ другомъ были ворота, сквозныя, рѣшетчатыя, въ такомъ же заборчикѣ, отдѣлявшемъ садъ отъ двора. Старый дѣдовскій домъ стоялъ на краю двора, близъ шоссе, по которому въ среду и пятницу, въ базарные дни, тянулись безконечныя вереницы возовъ, телѣгъ, фугоновъ по направленію къ желѣзнодорожному мосту, построенному на рѣкѣ Днѣпрѣ. Напротивъ дома красовался желтый съ бѣлыми колоннами подъ красной крышей амбаръ съ закромами для хлѣба съ огромнымъ ледникомъ и погребомъ. Лисику былъ очень

милъ ледникъ, потому что здѣсь мальчикъ, мастеръ на всѣ руки, Яковъ крутилъ мороженицу и постоянно давалъ пробовать мороженое изъ вишенъ, малины, орѣховъ, или сливочное или шоколадное,—«Кажется, готово!»—говорила Лисикъ,—а, впрочемъ, я не могу сказать навѣрно, дай еще попробовать!» И дочиста облизывала ложку. Неподалеку отъ амбара помѣщался низенькій, хотя и помѣстительный, курятникъ съ подвѣшенными въ немъ соломенными гнѣздами работы садовника Михайлы. Онъ навѣщалъ этотъ курятникъ два раза въ день и выбиралъ изъ гнѣздъ яйца, которая относилъ въ амбаръ. Ключъ отъ амбара былъ у него. Лисикъ хорошо знала часы, въ которые дѣдъ ходилъ въ амбаръ, вскакивала туда и, набивъ карманы разными съѣдобными запасами потихоньку отъ дѣда, улепетывала. Послѣ посѣщенія амбара Лисикомъ дѣдъ обыкновенно ворчалъ, что мыши унесли у него орѣхи или сушенныя вишни и яблоки, а двуголая мышь въ это время уплетала то или другое въ любимой сиреневой бесѣдкѣ въ саду и великодушничала, дѣлясь своей добычей съ сестрою и братомъ. Разъ Лисикъ, будучи въ амбарѣ съ дѣдомъ Михайлой, ухитрилась навѣсить ему сзади цѣлую вязку вяленой рыбы тарани (т. е. воблы), и съ такимъ украшеніемъ дѣдъ долго ходилъ по двору и въ саду, гдѣ продавалъ поселочникамъ деревца бѣлой акаціи.—«Зачѣмъ это вы, дѣдушка, таранъ сзади съ собою носите?»—спросилъ его одинъ изъ поселочниковъ.—«Какую таранъ?»—недоумѣвалъ дѣдъ.—«А ту, что у васъ сзади болтается!»—«Я знаю,—сердился дѣдъ,—это Иванъ такую штуку мнѣ устроилъ! Хорошо же, я ему дамъ на орѣхи! Извольте видѣть, Надежда Петровна, какой срамъ онъ мнѣ сдѣлалъ!»—жаловался Михайла стоявшей тутъ съ невиннымъ видомъ Лисику.—«Да, да, нехорошо!—соболезновала Лисикъ.—Только, можетъ быть, это кто-нибудь другой сдѣлалъ?»—«Вотъ я сейчасъ пойду, допрошу его!»—сказалъ дѣдъ. Но на пути встрѣтилъ Голуболазку и отъ нея узналъ, что подшутилъ надъ нимъ, такъ какъ она случайно подмѣтила продѣлку сестры. Жалостливая, она страшилась, что за чужой грѣхъ отвѣтитъ ни въ чемъ неповинный Иванъ, и выдала сестру.

Дѣдъ Михайла ничего не сказалъ и намоталъ себѣ на усъ. Спустя нѣсколько времени, когда онъ пошелъ зачѣмъ-то въ амбаръ, слѣдомъ за нимъ туда вбѣжала и Лисикъ.—«А вы не видали, барышня,—сказалъ дѣдъ своей компаньонкѣ,—какую ежевику лѣсничій Лавронъ (то-есть Лаврентій) привезъ намъ,—цѣлыхъ двѣ корзины? Онѣ тамъ, наверху, въ правомъ углу горища (т. е. чердака)!» Лисикъ взбѣжала по приставной лѣсенкѣ на чердакъ. А дѣдъ тихонько отнялъ лѣстницу, еще тише, на цыпочкахъ, вышелъ изъ амбара, заперъ его на ключъ и зашагалъ въ садъ. Лисикъ очутилась въ западнѣ. Напрасно подходила она къ единственному въ амбарѣ окошку и кричала, что ее заперли. На дворѣ не было ни души, всѣ ушли въ садъ помогать складывать сѣно въ стоги. Да если бы кто и оставался, кричать въ окошечко амбара, не отворявшееся, было бесполезно, и Лисика не услышали бы. Хотѣла она подойти къ двери, внизу, но лѣстница была убрана, и Лисику оставалось покориться своей участи и на досугъ поразмыслить о своихъ проказахъ. Она была увѣрена, что дѣдъ заперъ ее нечаянно, потому что давно убѣдилась, какой дѣдъ былъ добрый и терпѣливый, ей и въ голову не приходило, что онъ отплатилъ ей за ея продѣлку съ нимъ. Когда подходило обѣденное время, онъ поспѣшно отправился во дворъ, съ нарочитымъ шумомъ, хлопнувъ дверью, отперъ амбаръ, быстро приставилъ лѣстницу къ люку чердака и закричалъ:—«Кто тамъ ходитъ наверху? Слѣзай! Это ты, Яковъ, забрался? Какъ же я не замѣтилъ, что ты тамъ остался...

А прошло уже часа три, какъ я заперъ амбаръ! Ну, слѣзай скорѣй!» И дѣдъ сдѣлалъ удивленное лицо, увидавъ «старшую барышню», рожица которой была слегка заплакана.—«Изволите-съ видѣть, я думалъ, что вы давно убѣжали, а вы тутъ! Оцелыхо! (т. е. вотъ бѣда)». Лисикъ готова была сквозь землю провалиться и умоляла дѣда никому не разсказывать объ этомъ происшествіи.

Вечеромъ того же дня Лисикъ въ большой компаніи гуляла, какъ ни въ чемъ не бывало, по саду. Въ компаніи былъ и папа. Онъ предложилъ зайти въ уголокъ, рѣдко посѣщаемый, густо поросшій орѣшиной. Крошечное мѣстечко въ гущинѣ было расчищено и тамъ стояла маленькая узкая скамейка. На ней сидѣлъ дѣдъ Михайла, подперевъ голову руками. По лицу его текли слезы. При видѣ компаніи, онъ, несмотря на свои почтенные годы, вскочилъ, какъ молодой, поклонился и сталъ быстро удаляться. Папа окликнулъ его и подошелъ къ нему.—«Что съ вами?—спросилъ онъ дѣда.—Вѣрно, у вашего сына опять что-нибудь случилось?» Дѣдъ отвѣтилъ, что, напротивъ, все благополучно и онъ, слава Богу, здоровъ... А плачетъ онъ по своимъ грѣхамъ... Нехорошее дѣло онъ сдѣлалъ. И послѣ долгихъ упрасиваній разсказалъ папѣ по секрету, какъ Лисикъ его обидѣла, а онъ, «старый дурень», вздумалъ запереть барышню въ амбарѣ.—«До самой смерти не забуду!»—всхлиывая, воскликнулъ дѣдъ, — этого своего дѣла. Это онъ, лукавый, меня попуталъ!» Папа смѣялся и, какъ могъ, утѣшилъ дѣда и сказалъ, что Лисикъ получила по заслугамъ, что это урокъ ей на долго. Дѣдъ вздыхалъ и качалъ головой и все повторялъ:—«Это оттого, что я старый дурень! Буду говѣть, отцу Андрею покаюсь, пусть сниметъ съ меня мой грѣхъ». И дѣйствительно, когда говѣлъ къ Петрову дню, то есть, къ 29-му іюня, разсказалъ отцу Андрею про свои угрызенія совѣсти, и тотъ сумѣлъ успокоить его, но возился съ нимъ долго. Папа не вытерпѣлъ и какъ-то, за обѣдомъ, разсказалъ всѣмъ объ этой исторіи. Лисикъ потупляла глазки и краснѣла. Надъ ней долго подсмѣивались и мама и старуха няня Степанида Никифоровна. Онѣ всѣ спрашивали Лисика:—«А что, хорошую ежевику привезъ изъ лѣсу Лаврентій?» Лисикъ, впрочемъ, осталась все-таки въ выигрышѣ. Дѣдъ Михайла пошелъ въ городъ на Петропавловскую ярмарку и оттуда принесъ ей великолѣпное, шитое, узорочное полотенце, росписныхъ малороссійскихъ лужежъ и какого-то лакомства, что-то вродѣ маковниковъ, сдѣланныхъ на меду.

Дѣдъ былъ большой чудакъ. Когда онъ узналъ, что кто-то оборвалъ много абрикосовъ на деревѣ, дававшемъ плоды необыкновенно крупные, поспѣвавшіе очень рано, онъ чуть не заболѣлъ, цѣлую недѣлю стерегъ по ночамъ знаменитое дерево и такъ какъ въ это время его любимой садовой пѣсью захворалъ, то дѣдъ полъ ночи лялалъ у дерева собакой. Черезъ недѣлю онъ опустошилъ дерево и отправилъ абрикосы на базаръ. Какъ извѣстно, въ день пріѣзда всей семьи въ деревню, Лисикъ поживилась абрикосами, кромѣ тѣхъ, которые дѣдъ поднесъ ей въ корзиночкѣ своей работы. Дѣдъ не подозрѣвалъ воришку и, придя въ домъ съ докладомъ о томъ, что «вѣрно мальчишки со-сѣдніе добрались», торжественно заявилъ, что вора онъ теперь узнаетъ, потому что обмазалъ все дерево дегтемъ, а весь кружокъ, гдѣ расло дерево, усыпалъ золою... Лисикъ приняла это къ свѣдѣнію и, разумѣется, къ деревцу и не подошла. И дѣдъ былъ въ восторгѣ, что ему удалось сохранить оставшіеся плоды. Онъ вообще былъ изобрѣтателенъ по этой части. Когда въ парникахъ уже стали поспѣвать огурчики, онъ по краямъ ящиковъ вбилъ гвозди остріями вверхъ, и, не поранившись, не было никакой возможности сорвать аппетитный



ХОТЬ ВИДИТЬ ОКО, ДА ЗУБЪ НЕЙМЕТЪ.

огурчикъ. Это было какъ разъ въ томъ году, когда семья Лисика прѣхала въ деревню очень ранней весной. Намѣренье дѣда Лисику не было извѣстно, и у Лисика, чуть не на третій день прѣзда, сильно разболѣлась правая рука, около кисти. Лисикъ увѣряла, что это отъ укуса осы. Но когда папа, человекъ догадливый, пристально смотрѣлъ на Лисика и качалъ головой, она опускала, по обыкновенію, глазки и на ея щечкахъ съ ямочками вспыхивалъ румянецъ.

У дѣда Михайлы память была удивительная. Когда на фруктовыхъ деревьяхъ уже появлялись завязи плодовъ, онъ зоркимъ глазомъ опредѣлялъ ихъ количество и слѣдилъ за тѣмъ, какъ плоды подрастали, какъ червивые падали, и зналъ, что груша арабка дастъ столько-то, а яблоня бѣлый кальвиль или золотой ренетъ столько-то плодовъ. Падалицу онъ сортировалъ. Изъ тѣхъ, что получше, вырѣзывалъ червоточину, сушилъ, а гниловатую относилъ господамъ свинкамъ, за жизнью которыхъ онъ наблюдалъ внимательно, въ особенности когда появлялись поросята. Они очень скоро къ нему привыкали и при его приходѣ начинали визжать неистово, зная, что онъ съ пустыми руками не приходитъ, а всегда съ гостинцемъ,—съ огурцами-желтяками, съ молодой рѣпкой, свекловичникомъ, кукурузой, а то и съ яблочками-дичками. Поросята окружали его и ѣли у него изъ рукъ, и если какой-нибудь поросенокъ, прожорливѣе другихъ, уже слишкомъ назойливо приставалъ къ дѣду, онъ бралъ его за ухо и отводилъ подальше, приговаривая: «Ишь, дрянъ пестрая, нажрался какъ, а еще лѣзешь!» Дѣда и куры знали великолѣпно. Едва, звеня ключами, подходилъ онъ къ амбарной двери, какъ пернатые обитатели двора бѣжали со всѣхъ концовъ его, и тутъ поднималась такая возня, что и описать трудно, ссорились изъ-за мѣсты. Можно было подумать, что это какое-нибудь народное гулянье въ Петербургѣ или летчикъ собирается на аэропланѣ прокатиться по воздушнымъ дорогамъ. Каждому хочется непременно протолкаться впередъ, какъ можно поближе къ зрѣлищу. Цесарки наровили подойти къ самымъ ступенькамъ амбара, а пѣтухи, точно полицейскіе, слѣдящіе за порядкомъ, подсакивали и отодвигали; утки, крича свое «кахъ, кахъ, кахъ», идя вперевалку, ловко проскальзывали въ то время, какъ пѣтухи расправлялись съ цесарками, къ ступенькамъ и уже не покидали хитро завоеванныхъ мѣсты. Но откуда ни возьмись, прилетали голуби и появлялись на самомъ крыльцѣ, къ великой досадѣ тяжеловѣсныхъ и куръ, и цесарокъ, и утокъ, а тѣмъ болѣе индюшекъ, которыя, надувшись, оставались назади. Дѣдъ выходилъ, какъ сказочный царекъ къ своимъ подданнымъ, и, окинувъ глазами пернатое царство, подходилъ къ одной очень ручной курочкѣ, изъ благородной породы лангшановъ, своей любимицѣ, бралъ ее на руки, уносилъ въ амбаръ и кормилъ отдѣльно отъ всѣхъ. А потомъ набиралъ въ совокъ чернаго проса и удовлетворялъ птичью братію— и тогда ужъ, конечно, начиналась невообразимая суматоха. Дѣдъ выносилъ другой совокъ, уже наполненный толченой кукурузой, и бросалъ ее подальше для госпожъ индюшекъ. Раньше, чѣмъ это продлѣтъ, онъ, обращаясь къ носастому индюку, кричалъ: «Здорово, ребята!». Индюкъ громко выбалтывалъ свой отвѣтъ на привѣтствіе дѣда, а индюшки тоненькимъ голоскомъ пищали: «кавъ-кавъ-кавъ-кавъ». Лисикъ оставляла свою работу, выскакивала на минуту и хохотала. Дома еще стояла толпа у амбара, глухо роптали тѣ, кому досталось мало зернышекъ, вскакивалъ, набравшись смѣлости, одинъ очень красивый пѣтухъ на площадку передъ амбарной дверью и упорно ждалъ отдѣльной порціи. Дѣдъ увѣрялъ, что Петька очень похожъ на желѣзнодорожнаго жан-

дарма, котораго дѣдъ часто встрѣчалъ на полустанкѣ «Амурь» возлѣ Днѣпра. Онъ угощаль «жандара» (какъ выговариваль дѣдъ) половинкой маленькаго яблока, а когда его не было, горсточкой пшеницы. «Жандарь» быстро схватываль угощеніе и, дѣлая уморительные длинные шаги, убѣгалъ подѣ конюшню съ добычей. А разѣ дѣдъ Михайла очень нелюбезно вздумаль подшутить надѣ «жандаромъ»—вынесъ ему дохлую мышку. И, представьте себѣ, Петька, къ всеобщему удивленію, началъ клевать ее, а потомъ убѣжалъ съ нею. Дѣдъ исключительно для «курей», какъ онъ называль куръ, сѣяль черное просо. Изъ вѣтвистыхъ стеблей его онъ мастериль отличныя метелки, широкія и узенькія, пригодныя для подметанья и особенно для чистки платья. Самыя красивыя онъ подносилъ барынѣ и барину, которые и увозили ихъ въ Питерь, вмѣстѣ съ прочими рѣдкостями, въ видѣ сушеныхъ вишенъ, грушъ, яблокъ, варенья, пастилы и меду. Медъ, въ самомъ дѣлѣ, представляль рѣдкость, потому что былъ необыкновенно душистый.—«А вы знаете, Надежда Петровна,—спрашиваль дѣдъ Лисика,—отчего у нашего меда такой духъ хорошій?» Лисикъ, конечно, не знала.—«Оттого, изволите-съ видѣть,—объясняль дѣдъ,—что пчелы берутъ взятку съ бѣлой акаціи. Сами знаете, сколько ее у насъ!» И въ самомъ дѣлѣ, этого дерева въ саду было множество; каждая куртина была имъ обсажена, особенно въ цвѣтничкѣ и пчельникѣ, вокругъ которыхъ бѣлая акація стояла плотной стѣной. И когда она цвѣла, пчелы цѣлыми роями жужжали надѣ ея бѣлоснѣжными кистями.—«Ишь, какъ бжолы (т. е. пчелы) поютъ, ажъ сердце радуется!»—восклицаль дѣдъ въ умиленіи, копошась около пестрыхъ георгинъ или розъ въ цвѣтничкѣ дивнымъ лѣтнимъ днемъ, когда желтая акація, будто на флейтѣ, высвистывала свою веселую пѣсенку, пѣночка заливалась въ кустахъ сирени, а въ камышахъ птичка «очеретянка» выкрикивала: «рыба, рыба, ракъ, ракъ!».

Дѣдъ Михайла, какъ ни былъ занятъ, любилъ останавливаться, оглядываясь вокругъ и прислушиваясь къ этимъ птичьимъ голосамъ, къ дѣбному пчелъ, къ лепету молоденькихъ серебристыхъ осинъ. Онъ стояль иногда, какъ вкопанный, о чемъ-то задумавшись и что-то шепча. Какъ ни была рѣзва и шаловлива Лисикъ, но она, завидѣвъ дѣда въ этой мечтательной позѣ, осторожно, на цыпочкахъ, проходила мимо дѣда, боясь помѣшать ему наслаждаться красотой лѣтнаго дня, несравненной прелестью украинской природы.—«Если бы дѣдъ получилъ хоть какое-нибудь образованіе, онъ непременно писалъ бы стихи, и хорошіе стихи!»—говорилъ папа, которому никогда не было скучно по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ дѣдомъ. Обыкновенно дѣдъ передаваль ему свои интересныя наблюденія надѣ природой. Ея величіе, гармонію, неподражаемую красоту, дѣдъ, казалось, не только цѣнилъ, но и понималь. Онъ былъ очень любознателенъ, подмѣчалъ внимательно многія явленія природы. Были у него свои особыя примѣты, по которымъ онъ почти безошибочно предсказываль погоду, ея перемѣны, дождь, вѣтеръ, засуху, раннюю, или позднюю осень, студеную или теплую зиму, урожай овощей. Но эти примѣты держаль онъ въ секретѣ, точно такъ же, какъ приготовленіе разныхъ лекарствъ изъ травъ и цвѣтовъ, которыми вылечиваль лошадей, коровъ, овецъ.

Дѣти очень любили ѣздить въ лѣсъ у рѣчки Самары. Здѣсь, на воздухѣ, они варили малороссійскую пшеничную кашу съ саломъ; лѣсничій, кучерь и кто-нибудь изъ рабочихъ, бывшихъ въ лѣсу, закидывали бредень, т. е. небольшую сѣть, вытаскивали раковъ, окуньковъ, ершей. Лѣсничій приносилъ молока. И пиръ удавался на славу. Вотъ семья и рѣшила однажды, пользуясь праздни-

комъ, устроить такую поѣздку въ лѣсъ. Наканунѣ, поздно вечеромъ, дѣдъ Михайла, заирая амбаръ, посмотрѣлъ на луну, на звѣзды и, обращаясь къ стоящимъ возлѣ него Голубоглазкѣ и Вадиму, сказалъ:—«Лучше вамъ, господа, завтра не ѣхать въ лѣсъ. Изволите-съ видѣть, большой дождь будетъ и вѣтры! И папашѣ и мамашѣ такъ и скажите, что бури ждть надо!» Дѣти побѣжали и передали предсказаніе дѣда, причѣмъ Лисикъ надула губки и объявила, что дѣдъ не пророкъ и слушать его нечего.—«Ну, знаешь,—отвѣтилъ ей папа,—онъ хотъ и не пророкъ, а знанія у него есть и онъ по-своему наблюдаетъ природу.. Не совѣтую ѣхать!» Дѣти грустныя пошли спать, а рано утромъ Лисикъ торжествовала. На небѣ не было ни облачка, солнце сіяло и улыбалось по праздничному. Тишина стояла невозмутимая, даже листки молоденькой осины въ палисадникѣ, привыкшіе вздрагивать, не шевелились. Мама обрадовалась, что дѣти могутъ ѣхать и велѣла запрягать лошадей въ коляску и фургонъ, а сама стала укладывать провизію и прочее. Лисикъ побѣжала къ дѣду за огурцами и редиской и, вызывая улыбаясь, сказала ему:

«А вы невѣрно предсказали! Посмотрите, какой чудесный день!» И прыгала, какъ молоденькая коза. А убѣгая, не вытерпѣла, чтобы не сдѣлать руками носъ милому дѣду.

Но дѣдъ поманилъ ее назадъ и, связывая пучки красной редиски всѣхъ оттѣнковъ, сказалъ:—«Изволите-съ видѣть, Надежда Петровна, вы не знаете нашей хохлацкой пословицы: «Не кажи гопъ, пока не перескочишь!» (т. е. не говори «гопъ», не перескочивши). Вы и двухъ верстъ не проѣдете, какъ вернетесь домой! Давайте объ закладъ биться! Не будетъ бури—я вамъ такую грушу дамъ большую, какія только у васъ въ Петербургѣ за дорогую цѣну можно достать, а будетъ буря съ дождемъ, такъ вы мнѣ мѣшокъ изъ холста должны сшить!» Лисикъ хохотала и на бѣгу кричала:

«Груша моя! Груша моя!» Прибѣжала, запыхавшись, въ комнаты и рассказала мамѣ о томъ, какое пари держитъ съ нею дѣдъ.—«Совѣтую тебѣ, Надежда,—сказалъ папа,—купить по дорогѣ, въ деревенской лавочкѣ, холста и сегодня вечеромъ сшить дѣду мѣшокъ, чтобы не было скучно сидѣть дома въ дождь!» Шутя и смѣясь, сѣла семья въ экипажи, и веселая процессія тронулась въ путь. Не сдѣлали и двухъ верстъ, какъ откуда ни возьмись, налетѣлъ шальной вѣтеръ, сталъ трепать изо всѣхъ силъ деревья, сорвалъ съ головы Лисика шляпу, нагналъ цѣлые полки черныхъ, зловѣщихъ тучъ. Глухо прокатился громъ, и крупныя капли дождя забарабанили по верху коляски и по шляпамъ дѣтвора, старшейся сунуть головы подъ сидѣнье фургона. Разумѣется, повернули назадъ и пустили вскачь лошадей. Домой прѣехали мокрехоньки. Чувствительная Наташа всплакнула, Лисикъ ворчала, что это дѣдъ нарочно наколдовалъ, и молчалъ только кроткій Вадимъ, въ карманахъ котораго раскисли шоколадныя конфеты. Буря продолжалась до поздняго вечера. Лисикъ грустила о большой, рѣдкой грушѣ. Но дѣдъ точно угадалъ ея грусть и великодушно прислалъ съ хлопцемъ Иваномъ чудную грушу, велѣвъ сказать при этомъ, что мѣшка ему никакого не надо, что онъ пошутитъ.

Дождь хлесталъ, дѣти сидѣли на огромномъ старинномъ диванѣ у папы, въ кабинетѣ, и папа, подъ шумъ дождя, рассказывалъ имъ не сказку, а правдивую исторію о чуткомъ сердцѣ дѣда Михайлы. Въ селѣ Мануйловкѣ у одного небогатаго мужика сгорѣла хата и въ ней все добро, заработанное тѣмъ трудомъ, на который способенъ честный русскій крестьянинъ, въ потѣ лица добы-

вающей свой хлѣбъ. Сгорѣлъ у него и сарайчикъ, а въ немъ лошадь и корова. Только тотъ, кто испыталъ горе, можетъ понять, въ какомъ положеніи очутился мужикъ, какъ ему было тяжело. Узналъ объ этомъ дѣдъ Михайла (тогда, впрочемъ, дѣдомъ онъ еще не былъ) и долго не раздумывалъ, собралъ свои сбереженія, бумажки и мелочь, завязанныя въ тряпочки, припасенныя про черный день, погналъ телушку на базаръ въ сосѣднее торговое село, и вырученныя деньги отдалъ погорѣвшему мужику, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе, что онъ никому не скажетъ о данныхъ ему деньгахъ. Подѣлился Михайла съ бѣднягой и запасами муки, картофеля, холста. Не довольствуясь этимъ, въ первый праздничный день, когда мужики собрались по своимъ дѣламъ у волостного правленія, сталъ онъ увѣщевать ихъ, чтобы они помогли погорѣвшей семьѣ. Снял картузь, положилъ въ него трехрублевку и началъ обходить мужиковъ, особенно приставалъ къ богачамъ. Собралъ порядочно, отдалъ деньги погорѣльцу и еще разъ строго-на-строго велѣлъ ему молчать о деньгахъ, что далъ ему раньше. Только черезъ много лѣтъ несчастный мужикъ, съ легкой руки Михайлы поправившійся, рассказалъ своимъ односельчанамъ о томъ, какую огромную помощь оказалъ ему дѣдъ Михайла. Какъ узнали про это сынъ и дочь его, ужъ бранили, бранили они отца, и, когда онъ, по безденежью, не могъ купить себѣ новаго тулупа или шапки, упрекали его, что онъ отдалъ свои сбереженія погорѣльцамъ. Дѣдъ отмалчивался, махалъ рукой, будто отгонялъ назойливыхъ мухъ, и шелъ къ себѣ въ хату, гдѣ и запирался на крюкъ, чтобы не видѣть этихъ холодныхъ людей, не понимавшихъ чужой бѣды...

Рассказъ папы произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе и больше всего на Лисика. Она, точно по какому-то волшебству, перемѣнилась. Шутки съ дѣдомъ оставила навсегда, относилась къ нему съ какой-то особенной любовью, въ амбаръ съ нимъ не бѣгала, но къ нему стала бѣгать чаще, не за подачкой, а за добрымъ словомъ. Дѣдъ Михайла очень любилъ рассказывать о бѣднякахъ, о сиротахъ, объ одинокихъ, вообще, сколько на свѣтѣ горя и нужды и такъ глубоко вздыхалъ, что Лисику дѣлалось грустно. Однажды пришла она къ дѣду, а онъ развѣтываетъ бумажки съ мѣдными и серебряными деньгами, считаетъ ихъ, складываетъ въ одну кучку. Вошедшей Лисику онъ сказалъ въ чемъ дѣло. У мужика умерла дочь, а бѣдность у нихъ такая, что и похоронить нечѣмъ. Вотъ онъ, дѣдъ, и хочетъ кое-чѣмъ помочь. Лисикъ, какъ взрослая, внимательно выслушала дѣда, причѣмъ узнала, что и умерла-то дочь отъ того, что земскій врачъ уѣхалъ, а другого пригласить было нельзя, потому что не было денегъ, что горькая нужда заставляла и больную питать впроголодь; у дѣда, когда онъ рисовалъ Лисику картину горя и нужды, слегка губы дрожали отъ волненія, отъ слезъ, подступавшихъ къ горлу. Не прощаясь, выбѣжала Лисикъ изъ дѣдовой хаты и бросилась искать Голубоглазку. Пошептала съ ней о чемъ-то, и обѣ принялись считать, сколько у нихъ денегъ, врученныхъ отъ продажи букетовъ. Насчитали цѣлыхъ восемь рублей. Лисикъ съ замирающимъ сердцемъ схватила деньги и стрѣлой полетѣла къ дѣду. Отдала ему деньги для бѣдняги мужика—и была такова. И когда она клала на столъ деньги, много дѣдовыхъ слезинокъ упало на принесенные Лисикомъ рублики и мелкую монету... Примѣръ заразителенъ... Нѣжное, простое, чуткое сердце дѣда было для Лисика хорошимъ примѣромъ и открыло ей многое...

Петръ Быковъ.



Солнышко.

Солнышко, солнышко!
Милое солнышко!
Какъ тебѣ рады мы,
Теплое, свѣтлое,
Доброе солнышко!
Вотъ легкокрылая
Бабочка алая
Кружится въ воздухѣ;
Рада вѣдь тоже, знать,
Доброму солнышку.
Мамочка—помнимъ мы—
Такъ говорила намъ:
„Дѣтки, любите вы
Красное солнышко!
Кто это пестрыми
Лугъ весь цвѣточками,
Травкой зеленою,
Листьями дерево
Такъ разукрасилъ? Вѣдь
Все это солнышко,
Дѣтки, старалось!“

Алексѣй Каменскій.





ОТДОХНИ, ДѢДУШКА!

СЛОНЪ.

Разсказъ Евг. Маурина.

I.

Красивый четырех-этажный домъ перегоразиваль отведенное подъ него мѣсто на два дворика. Передній былъ вымощенъ асфальтомъ и украшенъ по срединѣ хорошенькимъ садикомъ, обсаженнымъ кудрявыми тополями. На заднемъ дворѣ расла только случайно привившаяся бузина, главнымъ же украшеніемъ его были гніющія помойки, да кучи всякаго хлама и мусора, оставшагося отъ послѣдней стройки. Но это было не важно, такъ какъ на задворки выходили только черные хода да старый полуразвалившійся домъ, въ которомъ ютилась всякая бѣднота, которой ни привередничать, ни разбирать, какъ извѣстно, не полагается.

Въ чистомъ дворикѣ обыкновенно разгуливали все такія чистенькія и нарядныя дѣти, такія сытыя и надменные, обладавшія такими-же нарядными и хитрыми игрушками. Дѣти задняго двора ничѣмъ не обладали, они были грязны, блѣдны, очень худы и очень шаловливы. Они съ жадной завистью глядѣли черезъ

сквозныя внутреннія ворота на счастливыхъ гуляющихъ по заповѣдному саду, и всякому наблюдателю было совершенно ясно видно, что души ихъ обуреваются при этомъ далеко не благородными чувствами—по крайней мѣрѣ, дворникъ Корнѣй, ихъ заклятый врагъ, увѣрялъ, что «эта шантрапа одними глазами украсть можетъ». А такъ какъ Корнѣй былъ мужикъ положительный, то метла его не разъ гуляла по спинамъ малолѣтнихъ шалуновъ, причемъ въ данномъ случаѣ каралось не содѣянное зло, а то, которое, по мнѣнью Корнѣя, они готовы были совершить. И такимъ образомъ пороки были наказаны въ самомъ своемъ зачатіи.

Но и чистенькихъ обитателей передняго дворика тоже немало прельщали таинственныя нѣдра задняго двора. И если по близости не было ихъ мамокъ и нянекъ, а Корнѣй хлопоталъ по хозяйству, то обѣ стороны пріотворяли дверцу вахитки и жестко вступали въ интересную бесѣду. Мало-по-малу они сближались все больше, пока привилегированное сословіе не переходило на непривилегированный дворъ, гдѣ подъ руководствомъ опытныхъ, но грязныхъ руководителей дѣятельно принималось рыться въ заманчивомъ мусорѣ или баландировать на сваленныхъ въ кучу бревнахъ и доскахъ.

Пришельцы часто падали, пачкались и рвали свои костюмчики, бывало и такъ, что мальчишки предательски вступали съ ними въ бой и нещадно ихъ избивали—и тогда на сцену появлялись старшіе, которые ловили маленькихъ негодяевъ за вихры и жестоко наказывали ихъ за оскорбленіе своихъ высокыхъ братьевъ. Непріатели съ визгомъ разлетались въ разныя стороны, стараясь изъ прикрытій атаковать пришельцевъ камнями и комьями грязи, а ихъ высокыхъ братьевъ спѣшно уводили домой, внушая всю нелѣпость смѣшенія съ этими скверными дѣтми.

Гораздо рѣже удавалось оборванцамъ проникнуть на «чистую половину». Это было такой рѣдкостью, что каждый случай составлялъ для нихъ цѣлое событіе—неумудрено, если «долговязая Катька», которая уже минулъ пять какъ безнаказанно сидѣла въ самомъ садикѣ, сама съ большимъ удивленіемъ подтверждала этотъ фактъ. Конечно, пробраться въ садъ было очень большой дерзостью, и Катька это отлично сознавала. Но когда она подошла къ рѣшеткѣ посмотреть, отчего это въ садикѣ такъ много дѣтей, и услышала интересный рассказъ Кости-барина про послѣднее посѣщеніе Зоологическаго сада, то не утерпѣла и перелѣзла черезъ рѣшетку, чтобы лучше слышать.

Костя былъ тамъ уже два раза, но собирався въ ближайшій праздникъ побывать еще. Развѣ сразу разсмотришь все то, что тамъ имѣется? А вѣдь тамъ такъ сказочно-интересно!

Маленькіе слушатели внимали, раскрывъ ротъ, а Костя важно рассказывалъ имъ про страшныхъ львовъ, гіенъ и тигровъ, про нѣжныхъ ланей, косматыхъ зубровъ и уродливыхъ вепрей. Онъ описывалъ имъ птицъ, то маленькихъ и причудливо-блестящихъ, то большихъ, важныхъ и гордыхъ, старался дать понятіе о смѣшныхъ обезьянахъ и неповоротливыхъ тюленяхъ. Но особенно интереснымъ и сказочнымъ въ его описаніи являлся громадный и кроткій слонъ.

Конечно, нельзя сказать, чтобы описанія его отличались чрезвычайной точностью, и чтобы въ нихъ не участвовала фантазія, но во всякомъ случаѣ все видѣнное имъ передавалось слушающимъ съ большой художественной выпуклостью и красочностью.

Катька заслушалась... Чѣмъ-то волшебнымъ и роскошнымъ вѣяло на

нее отъ этого разсказа... Какое-то сказочное царство, въ которомъ всёмъ жилое хорошо... Всѣ эти звѣри—страшные, уродливые и кровожадные—и тѣ имѣли право на такую холю и заботу, о которой сама Катька не смѣла даже мечтать. У звѣрей было роскошное, просторное и теплое помѣщеніе, ихъ кормили и слони рѣкой текли у Катьки, когда она представляла себѣ, какъ цѣлыя горы мяса вбрасываются въ клѣтки ко львамъ, какъ непрерывной струей поступаютъ къ слону вкусныя французскія булки, какъ объѣдаются неуклюжіе медвѣжата орѣхами и сладьями...

Вдругъ неделикатное прикосновеніе къ ея уху вывело ее изъ мечтательнаго настроенія: оказалось, что Корнѣй подстерегъ ее и теперь собрался наказатъ за преступленіе противъ установленныхъ правилъ. Катька дико взвизнула, вырвала ухо и, напугуемая улюлюканьемъ своихъ высшихъ братьевъ, мигомъ перелетѣла черезъ низенькую рѣшетку садика, юркнула въ ворота и черезъ минуту уже была на отмежеванномъ для ей подобныахъ пространствахъ.

Вступивъ на свою территорію, она тотчасъ же услышала визгливый женскій голось, который съ угрожающими интонаціями вопилъ:

— Катька, негодная, гдѣ запропастилась? Ну, попадешься ты мнѣ теперь!..

Но Катька ловко свернула вбокъ... Вѣдь все равно будутъ бить, этого не избѣгнешь. А бить больше того, чѣмъ ее бьютъ обыкновенно,—все равно нельзя. Значить, она ничѣмъ не рискуеть, если оттянетъ на полчаса. И она рѣшила забиться вллубь одной кучи досокъ, гдѣ она устроила что-то въ родѣ норы.

II.

Долговязой Катькѣ было лѣтъ девять, но она выглядывала гораздо старше. Худая, оборванная, вѣчно избитая и вѣчно голодная—она была истинно уличной дѣвочкой. Она не умѣла ни читать, ни писать, но зато мало кто лучше ея могъ запустить камнемъ во врага, стянуть, что плохо лежитъ, безнаказанно дернуть за звонокъ у чужого подъѣзда. Она великолѣпно лазила по заборамъ, взбиралась на крыши—вообще была совершенно неумоима на всякія продѣлки.

Ея познанія жизни состояли изъ двухъ параграфовъ: первый, что за нѣкоторыя дѣла бьютъ, а за нѣкоторыя—нѣтъ; второй, что сытой быть лучше, чѣмъ голодной. Всѣ свои дѣйствія она сообразовывала именно съ этими двумя параграфами, не зная ни жалости, ни раскаянія. Привязанностей, въ смыслѣ общаго правила, она тоже не допускала. Какъ - то, давно, она было завела себѣ хорошенькаго бѣленькаго котеночка и стала выращивать и холить его въ темномъ углу той норы, которая звалась квартирой ея матери, но котенокъ этотъ набѣдокурилъ, и мать, обваривъ его кипяткомъ, выбросила на дворъ. Катька проревѣла цѣлый день, но съ тѣхъ поръ уже ни къ кому не привязывалась. И теперь она по-прежнему хладнокровно подбивала ногу собакѣ, случайно забредшей во дворъ, или сбивала камнемъ кошку, спокойно прогуливавшуюся по крышѣ. Но было ли что-то затаенное въ ея дѣтской душѣ, что властно заставляло ее искать какой-либо привязанности, или это былъ ея необъяснимый капризъ, только къ сосѣдскому мальчику Ванѣ она какъ - то нехотя и неожиданно привязалась.

За что? Она знала это едва-ли и сама. Вѣдь она могла скорѣе презирать этого Ваньку—такого неповоротливаго, апатичнаго, глуповатаго, некрасиваго. Онъ былъ въ ея лѣтахъ, но казался гораздо моложе; большая голова его еле

держалась на длинной шеѣ, а отвислый животъ и до ужаса обнаженные ребра вмѣстѣ съ впадою грудной клѣткой все не хотѣли держаться на этихъ тонкихъ, кривыхъ ногахъ... Да и весь онъ былъ какой-то рыхлый, неуклюжій, бѣлесоватый...

Такъ или иначе, но это было единственное существо, съ которымъ Катька дѣлилась своими планами, надеждами и мечтами. Къ планамъ и надеждамъ Ванька былъ глубоко равнодушенъ, но къ мечтаніямъ относился съ полнымъ самозабвеніемъ. Это было вполне понятно: какъ и она, онъ былъ вѣчно голоденъ, и неизмѣнной канвой Катькиныхъ мечтаній было всегда что-нибудь съѣдобное.

— Иду я этта по улицѣ,—мечтаетъ, напрімѣръ, Катька,—и вдругъ—пирогъ... Бааальшой, жирнющій, масло съ него такъ и течеть...

Тусклые глаза Ваньки дѣлаются хищными и блестящими... Изъ полуоткрытаго рта начинаетъ течь обильная слюна, а пальцы, конвульсивно сжатые подъ влияніемъ переживаемаго голода, такъ и тянутся къ воображаемому пирогу... А Катька, мечтательно закатывая свои голодные, дерзкіе глазенки, все рисуетъ картину за картиною, одну великолѣпнѣе и соблазнительнѣе, чѣмъ другую...

И видя производимый ею эффектъ, Катька испытывала настояще артистическое удовлетвореніе. Вотъ и теперь она рвалась скорѣе въ устроенную ею нору, рассчитывая найти тамъ Ваньку и подѣлиться съ нимъ полученными отъ разсказа впечатлѣніями. Дѣйствительно—Ванька сидѣлъ уже тамъ. Онъ полулежалъ на брошенной рогожкѣ и уныло тянулъ какую-то несложную мелодію. Завидѣвъ Катьку, онъ широко улыбнулся и привѣтливо закивалъ своей четырехугольной нескладной головою.

— Нѣтъ, ты послушай только,—быстро-быстро заговорила Катька, усаживаясь рядомъ съ нимъ на рогожу и усиленно жестикулируя,—ты послушай только, какія чудеса Коська-баринъ разсказывалъ... Былъ онъ вишь въ саду, гдѣ содержатся звѣри разные... Матушки вы мои, вотъ кому не житье, а рай!.. Кормятъ ихъ, кормятъ, звѣрей-то этихъ... А и звѣрѣя же тамъ насажено... Мясо имъ прямо горами суютъ, булками французскими кормятъ, орѣхами, пряниками... И всего вволю—ѣшь-пей, не хочу! И устроены имъ широкія палаты.. А звѣрѣя-то, звѣрѣя—что твоя сказка... Вотъ слонъ,—его однѣми булками кормятъ. Такъ вотъ у слона-то, у него на головѣ хвостъ, а брюхо прямо подъ головою... Схватитъ булку хвостомъ, да и пихаетъ прямо въ брюхо... Право!..

— И его все... булками?

— Его булками, а медвѣдей пряниками...

— Булками?.. французскими?.. Намъ бы съ тобой, Катенька...

— Ишь ты, скажетъ тоже. Чай, звѣри-то все дорогіе, а насъ за что кормить?..

— Охъ, ѣсть какъ хочется, Катька...

— Думаешь, мнѣ не хочется? Эхъ, и то право, звѣрѣямъ житье какое..

А посмотрѣть бы хорошо, Ванька, а?

— Чего тамъ смотрѣть... Вотъ поѣсть бы—это хорошо...

— Нѣтъ, ты подумай... — Она вскочила и замахала руками. — Стоитъ этта слонъ и хвостомъ булки жреть... Или зубра, самая страшная, да мохнатая, рога большіе... А то кошка, пестрая да большая, какъ лошадѣ... И всѣ сытые... Чай пить, пряниками закусываютъ... И вотъ идемъ этта мы съ тобой...

И пошли фантазіи, въ которыхъ такъ ярко, такъ страдальчески выпукло сказывался страшный голодь...

Съ тѣхъ поръ Катька забила себѣ въ голову непремѣнно какъ-нибудь

попасть туда посмотреть на звѣрей. Зоологическій садъ былъ въ двухъ шагахъ отъ ихъ дома, и часто вечерами къ нимъ доносились оттуда веселая и красивая музыка, которая еще больше обостряла это желаніе и еще ярче и красочнѣе рисовала всю заманчивую прелесть его посѣщенія. И Катька предприняла дѣятельный осмотръ забора.

Убѣдившись, что съ улицы довольно легко проникнуть въ садъ прямо черезъ заборъ, она однажды объяснила Ванькѣ, что на слѣдующій день они идутъ смотрѣть слона. Ванька принялъ это извѣстіе съ нескрываемой радостью.

Черезъ заборъ перелѣзли благополучно и сейчасъ же поспѣшили замѣшаться въ толпу гуляющихъ, которыхъ по случаю праздника было довольно много. И, разинувъ ротъ, стали ходить отъ клѣтки къ клѣткѣ, громко выражая свое изумленіе и выразительно подталкивая другъ друга локтями...

Когда они уже возвращались обратно къ тому мѣсту, откуда проникли въ садъ, то вдругъ неожиданно столкнулись съ Коськой - барининомъ, который вмѣстѣ съ родителями гулялъ по саду. И услышавъ, что онъ просилъ отца идти теперь къ слонамъ, вспомнили, что самаго главнаго и заманчиваго они не видали. Держась на извѣстномъ разстояніи, они слѣдомъ за Коськой прошли въ слоновникъ.

Слоновникъ былъ полонъ посѣтителей. Усердно работая локтями, Катька пробралась вмѣстѣ съ Ванькой впередъ, гдѣ уже стоялъ ихъ знакомецъ Костя. И подойдя къ рѣшеткѣ, они такъ и застыли отъ нѣмого восхищенія и удивленія...

Ихъ поразила и величавая громада тѣла слона, и его какая-то особенно добродушно гордая осанка. Онъ казался такимъ холемымъ, такимъ сытымъ, такимъ барининомъ... Маленькіе умные глазки смотрѣли такъ сознательно, и мелкія складки около хобота складывались въ милостиво насмѣшливую улыбочку...

Около рѣшетки стоялъ сторожъ, торговавшій французскими булками. Время отъ времени кто-нибудь подходилъ и покупалъ одинъ-два хлѣбца, и вотъ слонъ граціозно изгибалъ свой хоботъ и тянулся имъ къ рѣшеткѣ, поднималась розовая дѣтская рученка и протягивала ему купленный хлѣбецъ. Мгновеніе—и булка исчезала въ большой пасти животнаго, которое неуклюже-элегантнымъ поклономъ выражало свою благодарность.

Кругомъ стоялъ гулъ отъ удивленныхъ восклицаній, и то радостныхъ, то боязливыхъ криковъ дѣтей.

То и дѣло все подходили и подходили новые люди, и все новые и новые хлѣбцы исчезали въ бездонной пасти животнаго, отвлекая и поглощая собой все вниманіе... Столько хлѣбцевъ! И все такіе аппетитные, румяные, свѣжіе... Съѣли ли они оба за всю свою жизнь столько булокъ, сколько ихъ за одинъ только день съѣдаетъ это почтенное животное?..

И вдругъ жестокій, завистливый, безповоротно властный голодъ охватываетъ ихъ маленькія, худыя тѣла... Терпѣть голодъ нѣтъ силъ...

Глаза у дѣтей дѣлаются страдальчески большими и сверкающими, а нижняя челюсть какъ-то произвольно щелкаетъ каждый разъ, когда закрывается пасть слона вмѣстѣ съ вкусной, обольстительной булочкой... А подъ ложечкой такъ давить, такъ тошнить...

Ванька не выдерживаетъ. Нижняя губа его начинаетъ предательски дрожать, и слезы слышатся въ его голосѣ, когда онъ страстно шепчетъ своей подружкѣ:

— Катька, кусочекъ бы намъ, маленькій...

Но та торопливо и сурово обрывает его:

— Молчи!

Она вся вытягивается и настораживается... Вотъ къ столу подошла нарядная дама, вотъ сторожъ замѣшался со сдачей и отвернулся... Мигъ—и одинъ хлѣбецъ незамѣтно исчезъ въ складкахъ Каткиныхъ лохмотій...

И въ тотъ же мигъ раздается чей-то торжествующій крикъ, тяжелая рука ложится на Каткино плечо... Она поймана, она застигнута на самомъ мѣстѣ преступленія—это Коськинъ отецъ выслѣдилъ ея преступное намѣреніе и требуетъ для нея примѣрнаго наказанія...

Кто-то изъ публики пробуетъ вступиться, но Коськинъ отецъ съ такимъ негодованіемъ обрушивается на заступника, съ такимъ достоинствомъ заявляетъ, что онъ воровству не потатчикъ, что тотъ смущенно скрывается въ рядахъ любопытныхъ зрителей.

По его требованію, Катку со сторожемъ отправляютъ къ городовому. При этомъ онъ идетъ самъ вслѣдъ и настоятельно требуетъ отъ городского, чтобы составили протоколъ и отправили бы скверную дѣвченку въ часть.

Городовой козыряетъ и ведетъ Катку къ околоточному. Тотъ, узнавъ, что Катка его участка и живетъ совсѣмъ рядомъ, приказываетъ городовому отвести ее домой, да сказать тамъ, чтобъ ее выдрали... Катку ведутъ...

Ванька идетъ домой одинъ и реветъ... Ему до смерти хочется слоновой булочки, да и до смерти обидно, что эта булочка такъ предательски ускользнула изъ-подъ самага носа... Подъ ложечкой сосеть, а впереди... впереди порка отъ отца за отлучку безъ спроса, и все тотъ же безопадный, ноющій, обезсиливашій голодь...

III.

Ночь... Городъ засыпаетъ...

Спать и Катка... Она вырвалась изъ рукъ матери и, избитая и дрожащая, спряталась въ своей норкѣ... Ревѣла, ревѣла, да и заснула...

И снится ей, что ее взяли въ Зоологической садъ и тамъ кормятъ вкусными булками... Она ѣстъ ихъ, ѣстъ безъ конца и безъ счета, но голодь не унимается, и булки все тянутся и тянутся къ ней, а она все ѣстъ и ѣстъ ихъ...

Она жадно чавкаетъ во снѣ и счастливая, жадная улыбка смутно бродитъ по ея исхудалому, блѣдному лицу...

Спать и слонъ... Снится ему неприятный сонъ: будто принесли ему ужъ очень большую булку, а онъ и безъ того черезчуръ сытъ. Но ѣстъ непременно нужно—вѣдь, онъ слонъ образованный, а слѣдовательно и деликатный... Кое-какъ онъ ѣстъ, его мутитъ, ему нехорошо... Но надо поблагодарить, и вотъ онъ кланяется и кланяется, и милостиво-благодарная улыбка играетъ по его морщинамъ около хобота...

Но улыбка эта только изъ деликатности... На самомъ дѣлѣ ему совсѣмъ нехорошо—вѣдь онъ такъ сытъ...

Евг. Мауринг.



Шницбергъ.

ЗА ДОБЫЧЕЙ.

Дѣдъ Матвѣй.

Картины деревенской жизни. Соч. Снитальца (С. Г. Петрова).

(Продолженіе).

Поздней осенью, когда уже выпалъ снѣгъ и установился санный путь, Яфиму усватили невѣсту на мѣщанскихъ хуторахъ: тамъ народъ жилъ чисто, на городской ладъ, и невѣста была изъ зажиточной семьи: послѣднее обстоятельство и склонило дѣда остановиться на этомъ выборѣ, хотя и не любилъ онъ «хуторскихъ» за франтовство и городскія замашки.

Сначала поѣхалъ туда дѣдъ со своею старухой на «смотрины».

Побывали въ гостяхъ у Матвѣя и родители невѣсты: серьезный и дѣловой мѣщанинъ въ долгополомъ сюртукѣ съ наружностью торговца или промышленника и разбитная, острая на языкъ, старуха.

Тутъ же за чаемъ порѣшили дѣло и только послѣ этого повезли на хутора Яфима на «рукобѣте». Вынули изъ кладовой Богъ знаетъ сколько лѣтъ не вынимавшіеся парадные костюмы: синяго сукна долгополые кафтаны, шелковые красные кушаки, мерлушковые шапки и кожаные сапоги. Бабушка одѣла новый синій сарафанъ съ серебрянымъ позументомъ. Новыя большія сани съ высокимъ задкомъ покрыли стариннымъ тяжелымъ ковромъ и запрягли тройкой въ праздничную сбрую съ мѣдными бляхами, длинными кистями и новой, окованной мѣдью, дугой съ гремящими бубенчиками. Въ корню былъ прибродившійся Чалка, а на пристяжкѣ—лучшія изъ молодыхъ лошадей. Хвосты у всѣхъ у нихъ были завязаны жгутами, а въ гривахъ развѣвались алая ленты. Разодѣвшіеся дѣдъ Яфимъ въ суконныхъ кафтанахъ и шелковыхъ кушакахъ, а бабушка—въ кокошникѣ и пестрой шали—походили на древнихъ бояръ.

Кони рвались изъ упряжи, какъ звѣри, колокольчики захлебывались отъ вѣтра, морозная пыль поднималась столбомъ. Яфимъ былъ, какъ всегда, молчаливъ и серьезенъ, а дѣдъ въ бороду усмѣхался.

Послѣ нѣсколькихъ «дѣвишниковъ» въ домѣ невѣсты, на которыхъ разряженныя дѣвушки пѣли древнія «подблюдныя» пѣсни, состоялся, наконецъ, и свадебный поѣздъ.

Когда «молодые» возвращались изъ церкви въ сопровожденіи всей невѣстиной родни—дѣдъ и бабушка встрѣтили ихъ на крыльцѣ. «Молодые» поклонились имъ въ ноги, а дѣдъ изъ лукошка осыпалъ ихъ нѣсколькими горстями ячменя и хмелю, какъ полагалось по старинному обычаю.

Потомъ начался свадебный крестьянскій пиръ. Въ старозавѣтнъмъ крестьянскій домъ дѣда Матвѣя вошла молодая мѣщанка, носившая городскія платья, привыкшая къ самовару, но веселая и проворная на работу.

Весной бабушка заразилась отъ овецъ: на груди у нея оказалась какая-то рана. Призвали кузнеца; кузнецъ посмотрѣлъ и сказалъ: «Это сибирская язва; поѣзжайте въ Свинуху къ ворожеѣ, а я не могу!».

Запрягли Чалку, и Яфимъ поѣхалъ въ Свинуху.

Бабушка лежала на конникѣ, подъ овчиннымъ тулупомъ, и тяжело дышала. Лицо у нея стало желтымъ, какъ восковое, глаза глубоко ввалились, а губы и ногти почти посинѣли. Говорить она уже не могла и только обводила избу тоскующимъ взглядомъ, словно просила о чемъ-то. Долго не могли догадаться, о чемъ она проситъ, и только когда подвела Алешу и внука—въ глазахъ ея мелькнула радость: она положила на ихъ головы поочередно дрожащую руку, какъ бы благословляя.

— Подъ образа положить надо!—угрюмо сказалъ дѣдъ.

Стали готовить ей постель на широкой лавкѣ подъ образами, да не хватило соломы для изголовья. Послали ребятъ на гумно за соломой, а гумно было черезъ дорогу, за огородомъ. Когда они вернулись съ охапкой соломы, бабушка, не дождавшись ея, уже лежала подъ образами, прямая и неподвижная, только губы ея чуть-чуть передергивались, а потомъ крѣпко сжались.

— Не надо соломы!—сказалъ имъ дѣдъ сурово:—ступайте на дворъ!

Ребята выбѣжали изъ избы, а туда торопливо прошли двѣ старушки-сосѣдки. Дѣти бросили солому подъ навѣсъ, а сами вышли на улицу и сѣли на завалинку.

— Умирает бабушка!—сказалъ внукъ.

— Мамка-то?—возразилъ Алеша:—а можетъ и не помреть?

— Куда она дѣнется, когда помреть?

— Тѣло заруютъ въ могилу, а душа улетитъ на небо! Поминки будутъ!—добавилъ Алеша:—кого захочу—пушу на поминки, а кого не захочу—не пушу! Въ это время къ воротамъ подъѣхалъ Яфимъ. Чалка былъ весь въ мылѣ, а въ тѣлѣгѣ рядомъ съ нимъ сидѣла старуха-ворожея изъ Свиухи.

У воротъ стоялъ дѣдъ.

— Обмыли ужъ!—сердито сказалъ онъ Яфиму.

Когда всѣ вошли въ избу, бабушка лежала на столѣ со скрещенными руками на груди, новыхъ лаптяхъ и двумя пятаками на глазахъ. Изба была полна сосѣднихъ бабъ, и на дѣтей никто не обращалъ вниманія.

Стоялъ тихій, печальный говоръ. Чужія бабы о чемъ-то хлопотали и суетились. Яфимъ, не распрямляя Чалки, поѣхалъ на хуторъ за попомъ, а дѣдъ строгаля подъ сараемъ доски для гроба.

Когда сосѣдки разошлись по домамъ, Алеша сѣлъ на лавкѣ у окна около покойницы и сталъ плакать тонкимъ, высокимъ голоскомъ, который было слышно далеко на улицѣ. Плакалъ долго и жалобно, до тѣхъ поръ, пока не внесли въ избу гробъ и не положили въ него усопшую.

Дѣдъ Матвѣй спалъ подъ пологомъ въ сараѣ на деревянной кровати и, засыпая, шепталь болѣе обыкновеннаго: вотъ уже нѣсколько недѣль прошло послѣ похоронъ «старухи», а онъ ни о чемъ больше не можетъ думать, какъ только о ней: вспоминался ея тихій, добрый голосъ, ея вседневная ласковость, ея хлопотливость и заботливость. Она была словно душой всего дома: при ней все оживало, все имѣло смыслъ, а теперь все осиротѣло, и самъ онъ осиротѣлъ, старикъ, и уже не чувствуетъ себя прежнимъ хозяиномъ: незамѣтно всю его власть въ домѣ забрала бойкая сноха и уже помыкаетъ имъ, а Яфимъ, какъ теленокъ, ходить за ней да потакаетъ. И уженико дѣда не боится. Дѣдъ Матвѣй никакъ не могъ объяснить себѣ, какъ это случилось, что со смертью старухи онъ очутился какъ бы въ «отставкѣ», и вся жизнь въ его домѣ сразу пошла по-новому. И, думая вслухъ, онъ долго и напряженно шепталь что-то, сидя на кровати и сплотивъ на землю босыя, костистыя ноги.

Вдругъ пологъ открылся.

Передъ нимъ стояла ея старуха, совершенно такая, какой она ходила, когда была здорова: въ синемъ пестрядинномъ сарафанѣ и платочкѣ, повязанномъ углами. Дѣдъ нисколько не удивился ея появленію, какъ будто давно уже ожидалъ ее.

— Ты что?—спросилъ онъ ее:—зачѣмъ пришла?

— Я къ тебѣ, старикъ!—отвѣчала она своимъ обычнымъ добрымъ, очень тихимъ голосомъ и еще тише засмѣялась, какъ она смѣялась, бывало. Голосъ ея былъ такъ тихъ, какъ будто доходилъ издалека.

— Да, вѣдь, ты умерла!—возразилъ ей дѣдъ.

— Нѣтъ, не умерла!—отвѣчала старуха:—только ты объ этомъ никому не сказывай, а я потихоньку буду прилетать къ тебѣ каждую ночь! вѣдь, скучно тебѣ безъ меня, старикъ.

— Скучно!—со вздохомъ согласился дѣдъ:—вѣкъ прожилъ съ тобой, а теперь одинъ! Не съ кѣмъ стало слово молвить!

— Ну, вотъ, я къ тебѣ и пришла!—опять прозвучалъ ея тихій голосъ. Старуха сѣла къ нему на постель и стала гладить его голову. Но рука у нея была холодная и мокрая.

— Оставь меня!—прошепталь дѣдъ:—вѣдь, ты умерла!

Но старуха не слушалась и гладила холодной рукой его руки и колѣни, съ тихимъ, чуть слышнымъ, шопотомъ:

— Родной мой, болѣзненный ты мой!

Дѣдъ разсердился.

— Оставь, говорю!—громко крикнулъ онъ.

Старуха исчезла.

Протеръ глаза и, трясясь всѣмъ тѣломъ, всталъ съ постели: никого не было, только звѣзды мерцали сквозь худую крышу, да гдѣ-то пѣли пѣтухи. Старикъ перекрестился.

— Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его!—дрожащимъ голосомъ прошепталь онъ.

Подошелъ къ калиткѣ: калитка была на запорѣ. Осмотрѣлъ заднія ворота: и заднія ворота были заперты. Тогда онъ сѣлъ на крыльцѣ, обхватилъ голову руками и такъ просидѣлъ до разсвѣта.

Весь день старикъ ходилъ сумрачный, безмолвный, что-то шепча про себя и никому не говоря про старуху, а вечеромъ опять легъ спать подъ навѣсомъ. По своему обыкновенію, онъ долго шепталъ, самъ съ собой, не открывая глазъ, и вдругъ почувствовалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ. Нѣсколько мучительныхъ минутъ дѣдъ не рѣшался открыть глаза, увѣренный, что «она» опять прилетѣла, и когда, наконецъ, открылъ ихъ, то увидалъ, что старуха, какъ и вчера, стоитъ передъ нимъ все въ томъ же синемъ сарафанѣ съ оловянными пуговицами отъ груди до подола, въ которомъ она всегда ходила, когда была жива. Старикъ затрясся.

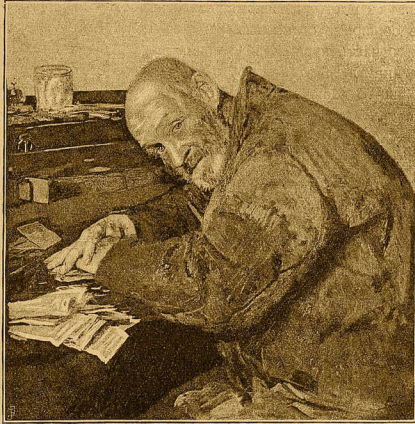
— Ты опять пришла? — въ ужасѣ спросилъ онъ, едва шевеля губами и самъ не слыша своего голоса.

Старуха молчала. Теперь она не была такъ ласкова, какъ въ первый разъ, наоборотъ, глаза ея сверкнули злобно и страшно, синія губы были сжаты, а рукой она дѣлала ему какіе-то непонятные знаки, словно звала его куда-то за собой.

Окончаніе въ слѣдующемъ №.

Скиталецъ (С. Г. Петровъ).





В. Маковскій.

СКРЯГА.

Мечъ Немезиды.

Фантазія П. Сурожскаго.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ.
Шиллеръ.

Надъ окнами стеклянной галлерей, подъ крышей, жили пауки. Днемъ, не вынося солнечнаго свѣта, они прятались въ щели и сидѣли тамъ, погруженные въ тихую дрему.

Но едва только заходило солнце и земля обволакивалась сумерками: пауки выходили изъ своихъ убѣжищъ, бодрые, полные силъ, и разбѣгались по своимъ паутинамъ. И тогда надъ окнами галлерей всю ночь кипѣла работа, одни плели новыя сѣти паутинъ, другіе исправляли прежде сплетенныя, испорченныя дождями, вѣтромъ или руками людей, жившихъ въ домѣ.

Всѣ пауки были большіе художники, и тонкія кружева паутинъ создавались ими такъ легко и просто, точно это ничего имъ не стоило. Но и среди нихъ было избранное, отмѣченное высшими дарованіями существо.

Это былъ паукъ, жившій у крайняго окна. Еще въ молодости, когда онъ только учился сплетать хитрые узоры паутинъ, въ его работахъ проглядывали красота и сила.

Глядя на его первые опыты, старыя пауки кивали одобрительно головами и говорили:

— О, изъ него будетъ толкъ. Онъ прославить нашу семью.

Молодой паукъ росъ, развивался, создавалъ одну за другою тонкія сѣти паутинъ—и все обширнѣе становились его замыслы. Ему уже тѣсно было въ окнѣ; онъ занялъ часть карниза и уже помышлялъ о входныхъ дверяхъ, гдѣ можно было раскинуть громадное кружево паутинны. Его не смущало то, что въ теченіе дня чьи-то невидимыя руки часто разрушали его работы. По вечерамъ онъ снова творилъ, полный вѣры въ будущее и въ свои силы.

Слава о паукѣ-художникѣ облетѣла весь домъ, и часто по вечерамъ сосѣди-пауки сбѣгались по своимъ паутинкамъ-дорожкамъ посмотреть новыя работы художника.

Настали темные лунные вечера, полные нѣжной грусти, красоты, тихаго очарованія.

Въ такіе вечера пауки ткали свои паутинны съ необычайной легкостью. Мягкій лунный свѣтъ ласкалъ ихъ чуткіе нервы, тишина успокаивала и работа кипѣла, дружная, согласная. Слышался таинственный шелестъ новыхъ тканей, хлопотливая бѣготня тонкихъ ножекъ по шелковымъ дорожкамъ. Хитрые сложные узоры разматывались, какъ въ сказкѣ, и, казалось, ихъ ткали лунные лучи.

А когда наступалъ часъ отдыха, то, удовлетворенные, почти счастливые оттого, что поработали всласть, они замирали и тихо покачивались въ сладкой истомѣ на своихъ шелковыхъ нитяхъ.

Художникъ-паукъ работалъ вдохновенно въ такіе вечера. Какъ хорошо было отдаваться творческимъ порывамъ, закрѣплять свои вдохновенія въ зыбкихъ, утонченно-нѣжныхъ нитяхъ, упиваться сладкой мукой творчества, тайными очарованіями его. Онъ чувствовалъ, какъ несетъ его куда-то теплая волна, и не видѣлъ ничего, весь охваченный пламенными вспышками вдохновенія. Мѣсяцъ-ли это сияетъ тихимъ свѣтомъ или въ немъ самомъ это мерцаніе, эти голубыя и бѣлыя пятна, которыя разбросались кругомъ такъ волшебнѣ? И не въ немъ-ли звенитъ эта вечерняя музыка земли—мягкій шорохъ крыльевъ, звонъ голосовъ, шопоты и шорохи, весь пѣвучій трепетъ жизни, плывущій въ свѣтѣ мѣсяца такъ тревожно и радостно?..

Въ одну изъ такихъ ночей художникъ создалъ дивную ткань. Это была великолѣпная, необычайно тонкая работа. Она занимала карнизъ и все окно. Стройная, соразмѣрная, она мягко свѣтилась въ лунномъ свѣтѣ и радужные отблески сверкали на ней, опьяняя богатствомъ и свѣжестью красокъ. Только одинъ уголъ остался незаконченнымъ; усталый художникъ отложилъ окончаніе до слѣдующей ночи.

Но уже слышался восхищенный шопотъ похвалъ:

— Какъ хорошо, какъ ново! Какая тонкость, изящество, красота!—сыпались восклицанія товарищей, сбѣжавшихся посмотреть на новое твореніе художника.

— Погодите, моя работа еще не окончена,—скромно говорилъ художникъ, котораго смущали и рывали эти похвалы.

Онъ сознавалъ втайнѣ, что создалъ необыкновенную вещь, и весь горѣлъ желаніемъ закончить ее.

День тянулся долго и томительно для художника-паука. Онъ боялся, какъ-бы вѣтеръ или злыя руки людей не испортили его работы. Нѣсколько разъ онъ пытался выглянуть изъ своей щели, но солнечный свѣтъ былъ такъ невыносимо

ярокъ, что положительно ослѣплялъ, сливая все кругомъ въ одно горячее, расплавленно-бѣлое пятно.

Едва запылала вечерняя заря и длинныя тѣни легли на землю, художникъ вышелъ на работу. Съ тревожнымъ вниманіемъ онъ осмотрѣлъ паутину—ничего, все исправно, только въ двухъ-трехъ мѣстахъ оборвались нити.

Онъ сталъ заканчивать. Никогда еще не работалъ онъ съ такимъ увлеченіемъ. Нити скрещивались съ нитями и разворачивались новые, еще невиданные узоры, поражавшіе неожиданной красотой сочетаній. Онъ чувствовалъ, что нынѣшняя ночь будетъ ночью его торжества.

Взошла луна. Земля посвѣтлѣла, преображенная, и все ожило, зашевелилось въ тишинѣ лѣтняго вечера.

Загудѣли неуклюжіе, добродушно ворчливые жуки, летучія мыши закружились безшумно, какъ видѣнія; сѣрые комарики, сплетаясь стайками, пѣли свои грустно-покорныя пѣсенки; ночныя бабочки, наивныя, удивленныя пѣвучестью жизни, рѣзво порхали, трепеща тонкими крылышками. И много другихъ, появлявшихся только въ сумерки существъ наполняли воздухъ. Все двигалось, звенѣло, влюбленное въ красоту луннаго вечера, спѣша насладиться быстролетными радостями жизни.

Художникъ, при свѣтѣ мѣсяца, долеталъ послѣднія нити. Легко, какъ на крыльяхъ, онъ то взлеталъ вверхъ, то опускался внизъ, набрасывая новые штрихи.

И вотъ, наконецъ, окинувъ внимательнымъ взглядомъ всю паутину, со вздохомъ удовлетворенія промолвилъ:

— Довольно!

И вѣсть о томъ, что работа закончена, мгновенно облетѣла весь карнизъ. По тонкимъ ниточкамъ, проведеннымъ всюду по галлерей, сбѣжалась вся семья пауковъ подлюбоваться совершеннѣйшимъ произведеніемъ товарища. И, увидя громадную съѣтъ, тихо трепетавшую въ лунномъ свѣтѣ, всѣ замерли отъ восторга.

Какія это были чудесныя нити! Какая красота сверкала въ нихъ, какая сила чувствовалась въ смѣлыхъ поворотахъ, въ гордомъ размахѣ отдѣльных штриховъ. Свѣтъ луны падалъ на паутину, дробясь въ ея развѣтвленіяхъ, и вся она мягко свѣтилась, переливаясь цвѣтами радуги, точно сотканная изъ эфирныхъ нитей. И, какъ отраженіе ея, на карнизахъ и стеклахъ дрожала сквозная, тонкая тѣнь.

Никогда еще пауки не видѣли такой великолѣпной паутины. Поглощенные созерцаніемъ ея, они молчали. Когда же первый порывъ восторженнаго удивленія прошелъ, изъ группы выступилъ старый паукъ и, обратившись къ художнику, сказалъ:

— Спасибо, товарищъ, за то наслажденіе, которое ты доставилъ намъ своей дивной работой. Я, старѣйшій среди васъ, склоняюсь предъ тобой. Ты—гордость и украшеніе нашей семьи. И не только семьи—всего нашего племени! Ибо слухъ о тебѣ прошелъ уже далеко за предѣлы нашего карниза и здѣсь, среди насъ, есть члены другихъ семей. Ихъ не остановили неудобства и трудъ дальняго пути, они пришли полюбоваться твоей работой. Возвратясь, они расскажутъ о томъ, что видѣли, и слава о тебѣ разойдется повсюду. Пусть же небо даруетъ тебѣ силы для новыхъ работъ!

И говорили потомъ другіе.

Взволнованный, сдержанно-радостный, художникъ слушалъ эти рѣчи, и слезы были на его глазахъ. Онъ чувствовалъ, что въ груди его кипятъ могучія силы—родникъ его мучительныхъ и сладкихъ вдохновеній—и, взбѣжавъ на свою паутину, онъ отвѣтилъ на ласковыя, прिवѣтственные слова.

Онъ благодарилъ за пожеланія, за участіе, за похвалы—онъ такъ еще мало заслуживаетъ ихъ. Онъ обѣщалъ работать, не щадя силъ, на пользу родного племени, оправдать надежды, возлагаемыя на него.

— Я чувствую въ себѣ творческія силы,—говорилъ онъ, радостно мерцая черными точками глазъ,—и всѣ эти силы я положу на служеніе вамъ, мои товарищи. У меня уже роятся замыслы будущихъ работъ. О, съ какимъ увлеченіемъ я возьмусь теперь за трудъ! Я обовью всю галерею шелковыми сѣтями, украсу узорами эти стеклянныя стѣны—и тогда мы будемъ свободно гулять повсюду. И люди, наши враги, пораженные громадностью труда, не посмѣютъ коснуться дерзкими руками нашихъ паутинъ.. Вѣрьте мнѣ, я не успокоюсь, пока...

Художникъ не договорилъ.

Паутина, на которой онъ сидѣлъ, бурно заколыхалась, точно подхваченная грознымъ порывомъ вѣтра, и вдругъ... онъ очутился на вѣникѣ, который держала красная рука кухарки.

— Я давно ужъ смотрю на тебя. Ишь, подлый, какъ разросся за лѣто,—проворчала она и занесла надъ вѣникомъ свою огромную, тяжелую ногу.

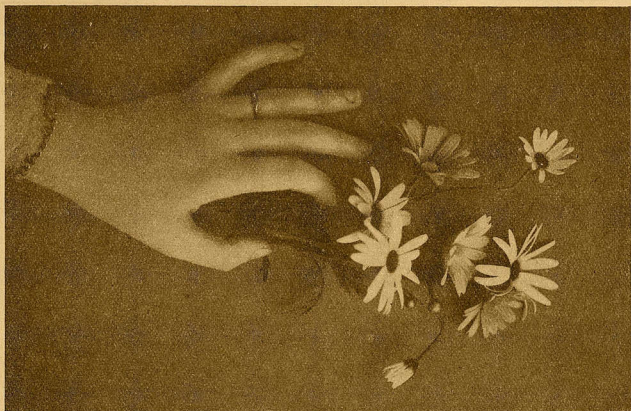
А подъ нимъ беспомощно бился прижатый къ землѣ художникъ-паукъ. Напрягая всѣ силы, онъ рвался изъ-подъ вѣника, звалъ на помощь товарищей... Но все было напрасно. Товарищи въ страхѣ разбѣжались, а грозная кухарка была неумолима.

Нога въ стоптанномъ грязномъ башмакѣ опустилась... и нажала вѣникъ.

И цѣлый мѣръ великихъ замысловъ и вдохновенно-прекрасныхъ грезъ погасъ навсегда.

П. Сурожскій.





Лучшій способъ засушиванія растений.

Для сохраненія окраски растений уже давно употребляютъ въ Франціи, по способу Аббата Манесса, растворъ 31 грамм. квасцовъ и 4 грамм. селитры въ 186 грамм. воды. Опускаютъ въ него нѣсколько растений или вѣтокъ, вмѣстѣ съ ихъ нижними черенками, даютъ пропитаться, и этимъ достигаютъ того, что листья и цвѣты, оставшіеся въ жидкости два или три дня, лучше сохраняютъ свою прежнюю окраску, послѣ засушиванія и сдавливанія между бумагой, чѣмъ не приготовленные такимъ образомъ. Съ цѣлю засушиванія втыкаютъ цвѣточныя вѣтки въ очень мелкій и сухой песокъ; засыпаютъ все пескомъ, пропускаемымъ сквозь волосяное сито, ставятъ на сутки въ легкое тепло, затѣмъ вынимаютъ осторожно растения изъ песка и получаютъ ихъ въ совершенно сухомъ видѣ. Нужно только остерегаться оставлять растения слишкомъ долго въ жидкости передъ сушкою, иначе нѣжная окраска легко измѣнится. Чтобы во время засушиванія помѣшать броженію въ мясистыхъ растенияхъ, отчего растения дѣлаются черными и неприятными съ виду, рекомендуется употребленіе алкоголя для свертыванія бѣлка и салициловую кислоту, какъ противогнилостное средство. Растворяютъ послѣднюю въ 600 частяхъ алкоголя, подогреваютъ, погружаютъ въ нее на минуту все растение и сдавливаютъ его тщательно между неклееной бумагой. Окраску обезцвѣченныхъ цвѣтовъ можно снова возстановить, если взять сѣрную или селитрянную кислоту. Съ этою цѣлю рекомендуется слѣдующій способъ: красные цвѣты, сдѣлавшіеся фіолетовыми или синими, кладутъ между бѣлой бумагой, пропитанной очень разведенною селитрянною кислотою, и держатъ ихъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, при легкомъ давленіи. Обыкновенно, вслѣдъ за этимъ, прежняя окраска выступаетъ снова. Но не всѣ цвѣты требуютъ этого сдавливанія и не одинаковаго пропитыванія кислотой. Листья не должны приходиться съ этою послѣдней въ соприкосновеніе. Второй способъ: укладка засушенныхъ растений въ пакеты съ сѣрною кислотой, и помѣщеніе ихъ въ ящикъ, въ которомъ сожжена была сѣра.

Игра въ звѣринецъ.

Игра въ звѣринецъ напоминаетъ нѣсколько шахматы, но гораздо интереснѣе ихъ. Соорудить эту игру очень легко, для этого надо взять кусокъ картона и нарисовать на немъ двѣ большія клѣтки, обозначенныя на нашемъ рисункѣ, соединенныя одной общей клѣткой, носящей название центральной. Обѣ клѣтки раздѣлены на восемнадцать маленькихъ клѣтокъ, а передъ центральной клѣткой, съ обѣихъ сторонъ, имѣются отдѣленія, носящая название «Входъ». Устроивъ, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ шахматной доски, можно



перерисовать головки животныхъ и наклеить ихъ на кусочки картона, одинаковой съ ними величины, головокъ такихъ всего 18, но, въ сущности, ихъ только девять, такъ какъ они даются здѣсь въ двойномъ количествѣ для того, чтобы каждый изъ играющихъ (играть могутъ только двое) имѣлъ бы по одному экземпляру: бѣлаго медвѣдя, гориллы, датскаго дога, гиены, пантеры, бурого медвѣдя, львицы, льва и волка.

Оба играющихъ разставляютъ свои пѣшки, кто куда хочетъ, въ своей большой клѣткѣ, причѣмъ конечно, въ каждую маленькую клѣтку помѣщается только одно животное.

Игра состоитъ въ томъ, чтобы загнать первымъ всѣхъ своихъ животныхъ въ «Центральную клѣтку». Какъ и во всѣхъ подобныхъ играхъ, переходъ животнаго изъ клѣтки въ клѣтку обуславливается цифрой, обозначенной на косточкахъ, которыя играюще бросаютъ по очереди, но существенное отличие этой игры отъ другихъ состоитъ въ томъ, что противникъ бросающаго косточки долженъ заявить заранѣе, которое изъ животныхъ играющей долженъ будетъ подвинуть, послѣ того, какъ броситъ косточки.

До игры надо метать жребій, кому начинать.

Назовемъ двухъ играющихъ Жакомъ и Пьеромъ и прослѣдимъ за ихъ игрой.

Оба бросаютъ косточки, у Пьера количество очковъ больше, значитъ первымъ долженъ начать игру Жакъ.

Жакъ беретъ снова косточки, но Пьеръ имѣетъ право заявить ему, какимъ изъ животныхъ Жакъ теперь будетъ играть, скажемъ, напр., онъ выбралъ бѣлаго медвѣдя. Жакъ бросаетъ косточки, они показываютъ шесть очковъ, значитъ Жакъ беретъ пѣшку, на которой нарисованъ бѣлый медвѣдь, и передвигаетъ ее на шесть клѣтокъ дальше, по направленію нарисованной стрѣлы.

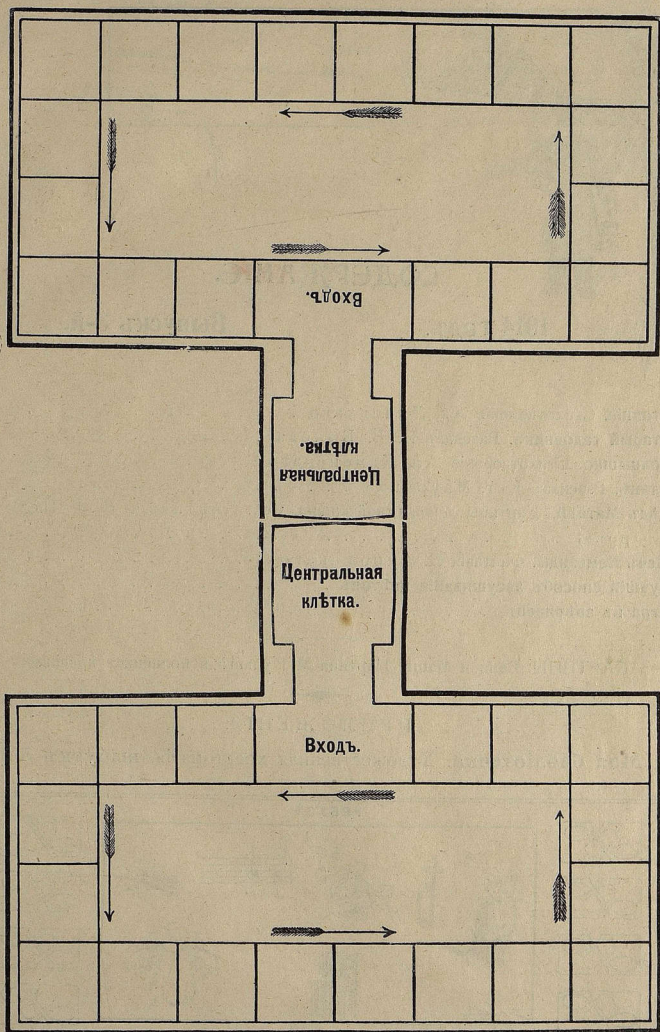
Теперь играетъ Пьеръ, а Жакъ говоритъ ему, какимъ животнымъ онъ долженъ играть.

Для того, чтобы животное попало въ «Центральную клѣтку», надо броситъ такое количество очковъ, которое прямо приведетъ животное въ отдѣленіе, обозначенное словомъ «Входъ», въ противномъ случаѣ, животное минуетъ эту клѣтку, не считая ее вовсе, и движется дальше по другимъ клѣткамъ.

Перечислимъ еще нѣсколько второстепенныхъ правилъ.

Считая клѣтки, можно миновать клѣтку, уже занятую другимъ животнымъ.

Двѣ и три пѣшки могутъ, однако, занимать также одну и ту же клѣтку, въ такомъ случаѣ ихъ кладутъ одну на другую, но противникъ, назначая то или другое животное, можетъ назначить къ движенію только то, которое видно, т. е. которое лежитъ сверху.





СОДЕРЖАНІЕ.

1914 годъ.

Выпускъ 3-й.

	Стр.
Стояніе. Стихотвореніе Ал. Липецкаго	84
Старый садовникъ. Разсказъ П. В. Быкова	85
Солнышко. Стихотвореніе Ал. Каменскаго	96
Слонъ. Разсказъ Евг. Маурина	97
Дѣдъ Матвѣй. Картины деревенской жизни. Соч. Скитальца (С. Г. Петрова)	103
Мечъ Немезиды. Фантазія П. Сурожекаго	107
Лучшій способъ засушиванія цвѣтвъ	111
Игра въ звѣринець	112

КАРТИНЫ: Ваня и Маша. Картина М. Вунша, исполненная красками.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Моя библиотечка. Художественная хрестоматія, выпускъ 3-й.

РЕБУСЪ

Редакторъ-Издатель **Н. В. Корецкій.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 Г.
НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинками въ краскахъ, приложениями книжекъ и подарковъ дѣтямъ
Подписавшіеся на 1914 годъ получаютъ (ежемесячно 1-го числа).

12 ИЛЛЮСТРИРОВ. ВЫПУСКОВЪ
Литературнаго и Научнаго
журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ.

15 художественныхъ картинъ,
исполненныхъ
КРАСКАМИ.

10 КНИЖЕКЪ собранія рассказовъ для дѣ-
тей знаменитыхъ русскихъ писателей, съ
портретами авторовъ.
„Моя библиотечка“

10 КНИЖЕКЪ съ картинками
„Книжка-хохотушка“.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками:
„БИБЛИОТЕЧКА ИГРУШКА“.
Дѣтскія игры и развлечения.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками
„ДѢТСКІЯ РАБОТЫ и ЗАНЯТІЯ“.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

Новогодніе подарки:

АЛЬБОМЪ ДЛЯ ЛЮБИМЫХЪ СТИХОВЪ.
ШЕСТЬ ИНТЕРЕСНЫХЪ ИГРЪ.

Пасхальные подарки:

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛЯ РИСОВАНІЯ.
АЛЬБОМЪ КОМИЧЕСКИХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ.

Рождественскіе подарки на елку:

8 ЖИВЫЯ КУКЛЫ!
ИГРУШЕКЪ САМОДѢЛОКЪ
Вырѣзаныя фигуры, съ приложе-
ніемъ руководствъ.

4 ПОТЬШНЫХЪ МАСКИ
для РОЖДЕСТВЕНСКИХЪ ДѢТ-
СКИХЪ спектаклей и вечеровъ.
Съ приложен. весел. дѣтск. пьесъ.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЯ ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

картина
въ краскахъ
ГУТМАНА

ШАЛУНЯ-БАБОЧКА

работы поставщик.
Дв. Е. И. Вѣлчества
Голице и Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылк. 5 р., на полгода 2 р. 50 к.,
на 3 мѣсяца 1 р. 25 к. За границу 8 р.

Редація журнала «ЖАВОРОНОКЪ», Спб., Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корещій.